

Отец говорил мне: Если бы твоя мать была некрасива, стал бы ты ее стыдиться? Я тогда не понял его слов, а осознал лишь спустя годы. Яньбэй — это мать нашего рода Хань, все наши предки пустили корни именно здесь.

Сын не стыдится уродства своей матери!

Хань Шичжи продолжил: Во всех уездах Яньбэя лежат поля, которые наши предки возделывали пядь за пядью; к северу от Яньбэя тянется Великая стена, возведенная ими в тяжких трудах. Пусть те земли бесплодны, отсталы и суровы, но это родина для миллионов наших сыновей Яньбэя. — Он посмотрел на Цзи Цзиньжуна, и его взгляд горел огнем. — Глядя на цветы сливы в южном предместье, я вспомнил о сливах в Яньбэе. Там они не растут густыми зарослями, нужно пройти долгий путь, чтобы отыскать хотя бы одно деревце. Вот что значит по-настоящему искать цветы в снегах.

Цзи Цзиньжун и Чжансунь Мэн молча слушали.

По сравнению с этим тщательно ухоженным садом, сливы Яньбэя казались куда более притягательными. Представлялось, как скачешь на высоком коне, мерно ступая по снегу, преодолеваешь один горный хребет за другим, петляешь по извилистым тропам и вдруг — о чудо! — видишь одинокую цветущую ветвь посреди зимней стужи. Сердце не могло не наполниться восторгом.

Цзи Цзиньжун серьезно произнес: Настанет день, и Яньбэй вернется к нам.

Хань Шичжи улыбнулся: Я верю Вашему Величеству.

Чжансунь Мэн, глядя на улыбку Хань Шичжи, почувствовал, как внутри у него разливается странный жар. Он тут же вызвался: Ваше Величество, в будущем я хочу отправиться на север!

Хань Шичжи посмотрел на Чжансунь Мэна.

Чжансунь Мэн ответил тем же взглядом. Помолчав мгновение, он выпалил: Шичжи поедет со мной!

Цзи Цзиньжун в шутку заметил: А как же Я? Если Шичжи уедет, что мне делать?

Чжансунь Мэн замялся.

Хань Шичжи хоть и испытал разочарование, но понимал, что Цзи Цзиньжуну нужны верные люди рядом. Он сказал: Я всего лишь книжник, что мне делать на севере?

Цзи Цзиньжун улыбнулся: Не будем спешить, обсудим это позже.

Цзи Цзиньжун попробовал закуски, принесенные из лавки — простая народная еда, недорогая, порции небольшие, как раз чтобы подкрепиться под вино.

К вину Цзи Цзиньжун был равнодушен, лишь слегка пригубил, зато вяленая говядина и копченое мясо пришлось ему по вкусу. Он попробовал несколько кусочков и остался доволен — сочно, в меру солено, аромат надолго остается на губах.

Глаза Цзи Цзиньжуна засияли.

Хань Шичжи и Чжансунь Мэн переглянулись, сочтя своего императора невероятно милым. Другие правители погрязли в роскоши, строили дворцы, собирали красавиц и устраивали бесконечные походы, а у их императора лишь эта маленькая страсть к простой еде. И ведь он совсем не привередлив — всё, что вкусно, ему нравится!

Только они вошли во вкус, как издалека донесся топот копыт. Подняв головы, они увидели отряд всадников в темно-черной форме.

Цзи Цзиньжун сразу узнал предводителя и отложил палочки.

Чжэньнань-ван, вернувшись из армии и узнав, что Цзи Цзиньжун отдыхает в сливовом саду, поспешил прямо туда. Заметив, что уши и щеки Цзи Цзиньжуна слегка покраснели от вина, Чжэньнань-ван окинул взглядом Чжансунь Мэна и Хань Шичжи.

Это были два человека, которым Цзи Цзиньжун доверял больше всего.

Чжэньнань-ван подавил в себе исходящую от него угрозу и произнес: Ваше Величество, я вернулся.

Садись, выпей вина, согрейся, — ответил Цзи Цзиньжун.

Чжэньнань-ван не стал церемониться, сел рядом и залпом осушил чарку, которую наполнил слуга. Он сказал: Ваше Величество, люди из уезда Чэнхай прибыли, я приказал им собрать цветы сливы.

Цзи Цзиньжун вспомнил о сливовом настое, о котором Чжэньнань-ван упоминал ранее, и на душе стало тепло. Отлично, — кивнул он.

Чжэньнань-ван только собрался продолжить, как снаружи послышался шум — какой-то юноша кричал: Отпустите меня!

Чжэньнань-ван словно что-то вспомнил и сказал Цзи Цзиньжуну: По пути сюда я поймал одного занятного мальчишку. Это сын Вана Яня, ему пятнадцать, ваш племянник. Он тайком

сбежал из столицы, наткнулся на меня, и мне пришлось его связать. После того как Цзи Цзиньжун взойшел на престол, всех удельных князей и их наследников держали под домашним арестом. Поскольку реальной власти у них не было, охрана не проявляла особой бдительности, вот мальчишке и удалось сбежать.

Цзи Цзиньжун замер.

С раннего детства он не знал тепла родственных уз, не был близок с братьями, не говоря уже о племянниках. Правда, однажды к нему в покои случайно забрел смысленный мальчишка. Цзи Цзиньжун поиграл с ним несколько раз, и ребенок показался ему занятым. Малыш был несчастен: отец его не жаловал, мать не любила, даже учителя ему не наняли. Он притаскивал табуретку и слушал, как Цзи Цзиньжун объясняет уроки Вэй Тинцзюню.

Со временем Цзи Цзиньжун привязался к ребенку. Тот был благодарен и тайком носил ему лакомства — лучшее, что мог достать в своем положении.

Но спустя полгода мальчик перестал приходить.

Цзи Цзиньжун решил, что наступили холода, выпал снег, и ребенку стало трудно пробираться к нему тайком, поэтому не придавал этому значения. Лишь месяц спустя он узнал, что мальчик умер. Он учился вместе со старшим сыном наследного принца, перещеголял маленького тирана, и тот толкнул его в воду. Стояли лютые морозы, никому не было дела до ребенка, и за одну ночь он угас.

Даже зная, сколько грязи скрыто в стенах императорского дворца, Цзи Цзиньжун тогда слег с тяжелой болезнью.

Вернувшись с того света, он отправил Вэй Тинцзюня на границу.

Были вещи, которые он не хотел делать, было то, чего он не хотел отнимать, но...

Это уже слишком!

Это просто невыносимо!

Цзи Цзиньжун посмотрел на Чжэньнань-вана, не понимая, зачем тот привел к нему этого племянника.

С тех пор как того ребенка не стало, в его сердце не осталось места для понятий о кровных узах. Рожденные в императорской семье — разве они помнят о родстве?

Чжэньнань-ван, словно прочитав его мысли, накрыл руку Цзи Цзиньжуна под столом: Ваше

Величество, вы сами все поймете, когда увидите его.

Сын Вана Яня вскоре был доставлен — четырнадцати-пятнадцатилетний подросток, крепче сложенный, чем Цзи Цзиньжун. В его глазах читалась свирепость, совсем как у волчонка, а яростный взгляд был готов впиться в любого.

Хотя черты лица были не слишком похожи, Цзи Цзиньжун сразу узнал его.

Этот взгляд, это выражение лица — они были до боли похожи на того племянника, которого столкнули в воду.

Отпустите, — приказал Цзи Цзиньжун воинам Лагеря Черной Конницы, державшим юношу.

Те без колебаний выполнили приказ. Юноша, который до этого отчаянно сопротивлялся, услышав голос Цзи Цзиньжуна, замер. Он осмелился поднять голову и принялся разглядывать сидевшего за столом императора.

Один взгляд — и он словно потерял душу, долго не в силах прийти в себя.

Ты голоден? — спросил Цзи Цзиньжун.

Юноша сглотнул слюну. Он два дня скитался по городу, прежде чем смешаться с толпой и выбраться за ворота, но едва покинул столицу, как попал прямо в руки этому демону — Чжэньнань-вану.

Два дня он боялся, что его обнаружат, и не смел купить еды. Пока боролся, не чувствовал голода, но теперь, когда сопротивление стало бессмысленным, холод и голод навалились разом. Увидев, что Чжэньнань-ван сидит рядом, он стиснул зубы: Нет!

О, — отозвался Цзи Цзиньжун и не стал настаивать. Он усмехнулся: Почему ты сбежал из города?

Юноша поджал губы, не сводя глаз с Цзи Цзиньжуна. Тот явно жил в неге и достатке: кожа нежная и светлая, черты лица невероятно красивые — стоит ему улыбнуться, как невольно теряешь бдительность!

Боясь снова оказаться в руках Чжэньнань-вана, юноша сказал правду: Я должен спасти сестру.

Цзи Цзиньжун молчал, внимательно глядя на него, ожидая продолжения.

Юноше пришлось выложить все как есть. Хотя он и сестра были рождены законной женой, Ван

Янь души не чаял в наложнице, и после смерти их матери та изводила детей как хотела. В этот раз сестра тяжело заболела, и даже придворные лекари не могли помочь (или просто не хотели). Он услышал, что в уезде Пинъань поселился искусный врач, и решил тайком пробраться туда, чтобы привезти его.

Выслушав, Цзи Цзиньжун взглянул на Чжэньнань-вана.

Не волнуйтесь, Ваше Величество, я уже приказал доставить лекаря в резиденцию Вана Яня, — ответил тот.

Цзи Цзиньжун кивнул.

Юноша заметил негласное взаимопонимание между императором и Чжэньнань-ваном и был поражен. Он прямо на месте опустился на колени: Благодарю, Ваше Величество.

Вставай, — сказал Цзи Цзиньжун. Он не стал мучить подростка, велел хозяину принести ему еды.

Юноша был ошеломлен такой милостью.

Заметив, что Хань Шичжи и Чжансунь Мэн сидят рядом, он робко опустился на стул.

Неизвестно почему, но Чжэньнань-ван казался ему опасным и пугающим, а Цзи Цзиньжун — совсем другим. От императора веяло добротой и теплом, словно... словно от небожителя из снов. Юноша украдкой поглядывал на Цзи Цзиньжуна, и на сердце у него стало необычайно спокойно.

Цзи Цзиньжун открыто рассматривал юношу, и лишь когда тот жадно доел мясо, спросил: Как тебя зовут?

Съев угощение императора, юноша не мог больше хмуриться и честно ответил: Сяо Сюаньвэй.

Сердце Цзи Цзиньжуна дрогнуло. Это отец дал тебе имя?

Юноша плотно сжал губы, волчий взгляд упрямо уперся в Цзи Цзиньжуна.

Спустя долгое время он произнес: Я сам его выбрал. Ван Янь вообще не обращал на нас внимания, если бы не мать, нас бы даже в императорские списки не внесли. Когда мать думала, как меня назвать, я сам предложил эти два иероглифа — Сюаньвэй.

Цзи Цзиньжун сразу понял, через что пришлось пройти мальчику, и почувствовал укол

жалости.

Он хотел спросить, почему юноша выбрал именно эти иероглифы, но побоялся: чем выше ожидания, тем большее разочарование.

Это просто совпадение, имена не такие уж редкие, вполне возможно, что мысли сошлись.

Однако раз мальчик не близок с отцом, его можно взять к себе и воспитать — от него будет много проку. Подумав об этом, Цзи Цзиньжун сказал: Поедешь со мной во дворец. — Увидев, что юноша хочет возразить, добавил: Сестру тоже возьми.

Юноша просиял: Правда можно? Он не искал богатства, лишь хотел, чтобы сестра выжила. Слова Цзи Цзиньжуна означали, что теперь они смогут жить во дворце — пусть он не знал, почему император так поступил, но чувствовал к нему необъяснимое доверие.

Цзи Цзиньжун кивнул.

Чжэньнань-ван нахмурился.

Мы едем сейчас, — сказал Цзи Цзиньжун.

Они направились в резиденцию Вана Яня. Цзи Цзиньжун не собирался ничего объяснять князю — забрал детей и уехал. Сестренка Сяо Сюаньвэя была совсем маленькой и робко пряталась за его спиной, поглядывая на императора. Цзи Цзиньжун не стал сразу разговаривать с ними, а распорядился устроить их, после чего велел Хань Шичжи подыскать для Сяо Сюаньвэя хорошего учителя — такого, чтобы был умен и мог укротить этого волчонка.

Не успел он повернуться к Чжансунь Мэну, как тот уже все понял: Не беспокойтесь, Ваше Величество, я найду способ обучить наследника боевым искусствам!

Цзи Цзиньжун удовлетворенно улынулся и отпустил их.

Едва Хань Шичжи и Чжансунь Мэн ушли, появился Чжэньнань-ван. Увидев, что в комнате никого нет, он не знал, радоваться или нет. Он позвал: Ваше Величество.

Тот ребенок... это Сяо Сюаньвэй? — спросил Цзи Цзиньжун.

Я не знаю, — ответил Чжэньнань-ван.

Цзи Цзиньжун посмотрел на него. Он не верил, что Чжэньнань-ван только сейчас узнал это имя.

Ваше Величество, я действительно видел списки и знал о существовании Сяо Сюаньвэя, — сказал Чжэньнань-ван. — Но до того, как мы с вами встретились, я не хотел, чтобы он попадался вам на глаза, и не хотел проверять, тот ли это мальчик, что причинил вам столько боли. — Он взял Цзи Цзиньжуна за руку. — Я не хочу, чтобы кто-то еще занимал ваши мысли.

Чжэньнань-ван говорил это с таким видом, что Цзи Цзиньжун не мог его упрекнуть.

Будь он на его месте, он бы тоже не позволил кому-то другому надолго завладеть вниманием своего спутника.

Поживем — увидим, — лишь ответил Цзи Цзиньжун.

Чжэньнань-ван кивнул.

Присутствие Сяо Сюаньвэя отчасти искупало сожаления Цзи Цзиньжуна. Разве не из-за смерти того ребенка он тогда передал трон, окончательно разочаровавшись в императорском доме? Теперь, когда мальчик рядом, они смогут насладиться всеми местными деликатесами, а потом уйти на покой.

Что касается «задания», то оно было проще некуда.

Цзи Цзиньжун планировал после победы над тюрками и выбора наследника сменить название династии на «Чжоу», что ознаменовало бы объединение Поднебесной и завершение миссии. Как только обе задачи будут выполнены, они смогут выбрать новый мир! Правда, раньше он просто разрушал старые миры и врывался в новые, не зная, чем отличается такое «планомерное» выполнение задания.

Чжэньнань-ван испытывал легкую тревогу.

Цзи Цзиньжун же методично планировал дальнейшие шаги.

И заодно «присматривал» за Сяо Сюаньвэем.

Это «присматривание» растянулось на три с лишним месяца.

В мгновение ока наступил конец весны, весенние полевые работы завершились, при дворе было спокойно, и Чжэньнань-ван распорядился провести Фестиваль еды. Со всей страны съехались лучшие повара, торговые суда швартовались у пристани Цзиншуй, доставляя свежайшие продукты. В Чжуньюане всегда ценили изысканность блюд, и ради того, чтобы получить место на фестивале, кулинары демонстрировали чудеса мастерства. Такого разнообразия не могли вынести даже тюрки, сему и западные купцы, оставшиеся в столице!

Сяо Сюаньвэй с невозмутимым лицом руководил охраной на месте проведения фестиваля.

Поначалу, когда Чжэньнань-ван «доверил ему важное дело», Сяо Сюаньвэй хотел отказаться. Но, увидев сияющие глаза Цзи Цзиньжуна, молча согласился. Их император ни к чему не питает интереса, кроме еды — неужели они не могут удовлетворить эту его маленькую слабость?

Сяо Сюаньвэй досконально все организовал и вернулся во дворец докладывать императору.

Стражники, увидев, что это Сяо Сюаньвэй, не стали докладывать и пропустили его.

Сяо Сюаньвэй не понимал, за что Цзи Цзиньжун так доверяет ему и благоволит, но в душе был глубоко тронут. Когда-нибудь, когда он еще немного подрастет, он, возможно, осмелится назвать Цзи Цзиньжуна «Пятым дядей»...

Сяо Сюаньвэй и сам находил это странным: хоть они с Цзи Цзиньжуном почти ровесники, он питал к нему невыразимую сыновнюю привязанность. Если бы не то, что в его сердце уже был этот «Пятый дядя», он бы наверняка уже произнес это вслух!

На самом деле это была загадка, которую Сяо Сюаньвэй не мог разгадать.

Почему при виде Цзи Цзиньжуна ему так хочется быть ближе?

Может, потому что Цзи Цзиньжун тоже пятый в роду? Или потому, что черты его лица чем-то напоминают «того человека»?

В раздумьях он подошел к кабинету. Зная, что Чжэньнань-ван наверняка внутри, Сяо Сюаньвэй невольно ступал тише, стараясь подобраться незаметно, чтобы услышать, о чем они говорят наедине.

Приблизившись, он наострил уши и затаил дыхание.

Чжэньнань-ван двигал флажки на карте.

Он сказал: Тюрки за этот год разделились на три части: двое сыновей тюркского правителя и Фэй Ин с сыном. У Вашего Величества поразительная прозорливость: этот Фэй Ин и его младший сын оказались невероятно амбициозны — всего за полгода они захватили две пятых важных земель в степи.

Цзи Цзиньжун слегка нахмурился, не разделяя оптимизма Чжэньнань-вана. Выпустить тигра из клетки — не к добру, — сказал он.

Чжэньнань-ван ответил: К тому времени, как этот тигр станет по-настоящему опасен, волчонок, которого вы воспитали, уже вырастет — как раз будет на ком потренироваться.

Камень, — позвал Цзи Цзиньжун.

Чжэньнань-ван замолчал, глядя на него.

Не стоит недооценивать других, — сказал Цзи Цзиньжун, встречаясь с ним взглядом. — В этом мире... никогда не было недостатка в умных людях.

Чжэньнань-ван, видя серьезное лицо Цзи Цзиньжуна, счел его необычайно милым.

Он хотел было согласиться, как вдруг из-за двери донесся едва слышный всхлип. Тот, кто плакал, изо всех сил пытался сдержать горе, чтобы люди внутри не услышали.

У Чжэньнань-вана был отменный слух, как он мог не услышать эти сдавленные рыдания?

Бесшумно подойти к кабинету мог только Сяо Сюаньвэй, и Чжэньнань-ван не сомневался, кто стоит за дверью.

Цзи Цзиньжун тоже услышал.

Переглянувшись с Чжэньнань-ваном, он подошел к двери и открыл ее.

Сяо Сюаньвэй не стал прятаться.

Он смотрел на Цзи Цзиньжуна, роняя слезы.

Он слышал! Он слышал, как Цзи Цзиньжун назвал Чжэньнань-вана «Камнем»! Он слышал их привычный, полный взаимопонимания разговор — точь-в-точь как у тех двоих из «сна»!

Цзи Цзиньжун не отвел взгляда.

За последние месяцы он все больше убеждался в своих догадках.

Сначала — только имя. Потом они обнаружили, что Сяо Сюаньвэй, которого никто не учил, обладает редким талантом полководца; вкусовые предпочтения, привычки, повседневные движения — все сравнивалось, и сходство достигало восьмидесяти-девяноста процентов.

Цзи Цзиньжун еще не придумал, как заговорить с ним.

Если бы он мог снова увидеть того ребенка, он был бы счастлив. Но возможно ли такое чудо? В этом необъятном мире они смогли встретиться вновь, в другом времени, в другой эпохе? Если «Небо» действительно столь милосердно...

Тогда он готов ответить ему такой же добротой.

Сюаньвэй, — позвал Цзи Цзиньжун.

За эти месяцы он не раз звал его так, но сейчас голос прозвучал совсем иначе. Сяо Сюаньвэй не смог сдержать нахлынувшую радость, бросился вперед и, упав на колени, крепко обнял Цзи Цзиньжуна: Пятый дядя!

Чжэньнань-ван: ...

Чжэньнань-ван молча поднял Сяо Сюаньвэя.

И небрежно выставил его за дверь.

Бам.

Дверь с силой захлопнулась.

Сяо Сюаньвэй: ...

После ужина Чжэньнань-ван наконец позволил Сяо Сюаньвэю поговорить с Цзи Цзиньжуном.

Увидев, что у того покраснели глаза, Цзи Цзиньжун сказал: Чего ревешь! В те времена я прожил дольше тебя. Тогда Цзи Цзиньжун жил дольше большинства членов императорской семьи, включая того ребенка.

Я все видел, — ответил Сяо Сюаньвэй.

Он подробно рассказал о своей судьбе. Оказалось, с детства он мог «видеть сны». Во сне он был другим ребенком, которого так же не ценили и не любили, но в этих снах он встретил «того человека».

Этим человеком был Цзи Цзиньжун.

Тогда Цзи Цзиньжун научил его многому, и он учился очень усердно, потому что внутри у него кипела злость — он хотел взять реванш и показать тем, кто смотрел на него свысока, чего он стоит.

Он давно затаил обиду на своих «кузенов» и в порыве импульса превзошел их перед учителем.

Кто бы мог подумать, что, хоть в знаниях он и победил, в итоге не смог противостоять их грубости и жестокости.

Что в конце концов привело «его самого» к гибели.

После смерти «самого себя» сны Сяо Сюаньвэя не прекратились.

Он смотрел, как Цзи Цзиньжун шаг за шагом мстил за него, мстил за Вэй Тинцзюня, шаг за шагом исполнял, казалось бы, несбыточные мечты разных людей — он просто смотрел, смотрел и мог только смотреть.

<http://bllate.org/book/22178/2310786>